

Сербское подворье в Москве в последней четверти XIX — начале XX вв. Проблема подбора кадров

30 ноября 1874 г. в самом центре Москвы по адресу: Солянка, 4, неподалеку от Яузских и Варварских ворот, в церкви св. Кира и Иоанна было торжественно открыто Подворье Сербской митрополии.

Идея открытия Подворья принадлежала с российской стороны Николаю Николаевичу Дурново, а с сербской митрополиту Михаилу (Йовановичу). Обе эти фигуры, знаковые в становлении и развитии русско-сербских общественных, политических и духовных связей, встретились в 1869 г. в Москве и приняли решение ходатайствовать об открытии Подворья. Задача была непростой, так как еще не было случая, чтобы открывалось иностранное подворье не в ранге Патриархии.

Подворье должно было, по мнению членов Славянского комитета, служить делу политического объединения сербского народа и создания автокефальной сербской церкви. Об этом прямо пишет в своей записке об открытии Подворья Н.Н. Дурново: «Сербское подворье должно зависеть от митрополита княжества Сербии; до тех пор, покуда все сербы не соединятся в одно государство, тогда подворье будет зависеть от Сербского патриарха»¹.

Подворье должно было стать также центром по сбору пожертвований, поступающих от различных учреждений и частных лиц Российской империи в пользу не только православных храмов, но и бедствующего славянского населения Османской империи. Оно также должно было вести учет всех учащих, прибывавших из сербских земель в Россию, оказывать им материальную поддержку и помогать в случае возникновения каких-либо трудностей.

14 мая 1873 г., с одобрения императора Александра II, был издан указ Св. Синода об открытии Сербского подворья. В нем, в частности, говорилось: «Святейший Синод, приняв во внимание, что сербская православная митрополия по своему положению в княжестве несамостоятельном и расположенном между мусульманским населением заслуживает оказания помощи со стороны единой ей Российской церкви, признал возможным допустить учреждение в Москве Подворья для означенной митрополии *не в пример другим заграничным православным учреждениям*»². Тем самым подчеркивались исключительность такого шага и нежелание Св. Синода сделать его прецедентом.

Организационная и подготовительная работа продолжалась более пяти лет, в течение которых сербской и российской стороне пришлось преодолеть немало трудностей. Из-за сложности с ремонтом доставшегося Подворью ветхого храма св. Кира и Иоанна его пришлось освящать трижды. Первый раз, как уже упоминалось, при его открытии. Капитальный ремонт церкви и установление нового иконостаса потребовали и нового освящения 22 марта 1875 г. Благодаря стараниям старосты С. И. Камынина внутреннее убранство храма было закончено в 1878 г. Это потребовало еще одного освящения 5 ноября 1878 г., на котором присутствовал министр просвещения и церковных дел Сербии Алимписе Васильевич³.

К истории замысла и реализации идеи открытия Сербского подворья в Москве мы уже обращались⁴, во многом опираясь на документы, выявленные и опубликованные в ходе подготовки второго тома сербско-русской публикации «Москва—Сербия. Белград—Россия»⁵. Представленные в нем материалы по открытию Подворья⁶ были дополнены в следующем, третьем, томе документами о его функционировании в конце XIX — начале XX вв.⁷. Эти материалы, а также первый очерк о Подворье сербского монаха Платона* позволяют обратиться к одной из

* Платон (в миру Миливое Йованович) (1874–1941) — протосингел, сербский выпускник Московской духовной академии, профессор Ягодинской учительской семинарии. По рекомендации митрополита Михаила подвизался на Сербском подворье в качестве иеромонаха. Книга «Сербское Подворье в Москве» была написана им в 1898 г. на сербском языке во время учебы в Москве, по случаю 25-летия открытия Подворья. В 1902 г. увидел свет русский перевод сочинения Платона. После его мученической

главных проблем функционирования Сербского подворья — проблеме подбора кадров.

Штат Подворья составляли как присланные из Сербии священнослужители, так и московский обслуживающий персонал. Главными фигурами, безусловно, были настоятель и староста Подворья, и именно с их назначением возникали определенные трудности.

Настоятель Подворья должен был, наряду со своими повседневными церковными обязанностями, вести большую работу по укреплению русско-сербских духовных связей. Роль настоятеля была настолько значимой, что кандидатуру его утверждали как сербская, так и российская сторона, причем, наряду с церковными, и светские власти. В России за проверку сербских кандидатур непосредственно отвечали чиновники Азиатского департамента министерства иностранных дел.

Российская сторона признавала при этом особые права сербского митрополита, который не только являлся главой Подворья, но и сам подбирал кандидата на пост настоятеля. Летописец Подворья протосингел Платон так характеризует его правовой статус: «Учрежденное в Москве Сербское Подворье занимает одинаковое в административном отношении положение наряду с первоклассными сербскими монастырями, подлежит одним и тем же с ними государственным законам и находится в полной зависимости от того же сербского митрополита. Последний является главным его начальником. Сербскому митрополиту принадлежит право избирать и назначать настоятеля Подворья, а затем и всех вообще членов служащей в нем братии, он же утверждает и избранного для Подворья старосту. При назначении настоятеля Подворья митрополит Сербский на приезд его в Россию испрашивает разрешение русского Правительствующего Синода. Он же, сообразуясь с финансовым состоянием Подворья, назначает ему и братии жалованье»⁸.

кончины в годы Второй мировой войны он был прославлен сербской церковью в качестве священномученика Платона епископа Банялужского. См. о нем: *Дурковић-Јакшић Љ. Платон Јовановић епископ банјалучки*. Крагујевац, 1986; *Јовић Платон, иеромонах*. Священномученик Платон (Јовановић) Епископ Банялужский. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2008.

Но еще до открытия Подворья начались проблемы с подбором настоятеля. Первая кандидатура, предложенная митрополитом Михаилом, была решительно отклонена российской стороной. Это был любимый ученик митрополита Михаила, получивший образование в России, архимандрит Нестор (Попович).

В истории сербской церковной жизни архимандрит Нестор (1833—1884) занимает весьма заметное место. После окончания белградской семинарии он работал учителем, а затем стал приходским священником. После смерти жены в 1854 г. уехал на обучение в Россию, где окончил Киевскую духовную академию. По возвращении в Белград в 1863 г. он сначала служил в духовном суде Белградской митрополии, а с 1865 г. преподавал в гимназии. В 1868 г. был произведен в сан протоиерея, став в то же время профессором белградской семинарии, а затем и ее ректором. Принял постриг 11 декабря 1872 г., 11 марта 1873 г. был произведен в архимандриты. В 1883 г. он был назначен на ответственный пост епископа Нишской епархии, где вскоре и скончался. Нестор оставил по себе добрую память как грамотный и добросовестный духовный пастырь. Следует отметить, что этот прекрасный знаток догматики и богословия, известный публицист, четыре года обучавший богословской науке сербского князя Милана Обреновича, характеризовался русскими дипломатами крайне негативно⁹. Однако позднее, после его скоропостижной смерти в 1884 г., российский МИД занес его в список самых талантливых выпускников русских духовных учреждений¹⁰. Чем же мог так себя скомпрометировать основатель сербских духовных журналов «Пастырь» и «Сион» в глазах русских консулов?

Документы свидетельствуют, что сомнения вызывали его политические взгляды. Российское министерство иностранных дел было весьма озабочено распространением революционных и либеральных идей в Сербском княжестве, в том числе и среди духовенства. Несмотря на рекомендацию митрополита Михаила, российская сторона отклонила кандидатуру архимандрита Нестора. Способствовал этому и русский консул в Белграде Н.П. Шишкин, который обвинил Нестора в «либеральном умо-

настроении»¹¹. Эта подозрительность по отношению к Нестору сохранялась у российских консулов и позднее. В 1875 г., когда архимандрит Нестор был кандидатом на занятие шабачской епископской кафедры, русский консул А.Н. Карцов сообщал в строго секретном донесении директору Азиатского департамента А.А. Мельникову: «... во главе кандидатов митрополии стоит знакомый императорскому министерству архимандрит Нестор, которому в 1873 году за чудовищно-безнравственное поведение высочайше воспрещен был въезд в Россию»¹².

Ответственность за нравственное состояние сербского духовенства Карцов возлагал на митрополита Михаила: «Не менее пагубно отразилось вредное направление главы сербской церкви на духовенстве белом. Правда, что его распущенность и безнравственность не достигли еще тех пределов как среди монашествующих, но, следуя примеру своего владыки, священники более занимаются борьбою внутренних политических партий, чем отправлением духовных треб прихожан, в которых вследствие этого всё глубже и глубже укореняются чувства неуважения к своему духовенству, вместе с полным к вере и церкви равнодушием»¹³.

Еще в июле 1869 г. глава русского генерального консульства в Сербии А.С. Троянский, извещая МИД о нравственном состоянии сербского клира, тесно связывал этот вопрос с политической перспективой объединения сербского народа: «...в княжестве Сербии, где, насколько мне известно, православие находится, к крайнему сожалению, в большом упадке и где пастыри церкви, постоянные посетители кофеен и гостиниц, занимаются преимущественно решением всевозможных политических вопросов, оставляя в стороне вопросы веры и нимало не заботясь о просвещении народа в духе чистого православного учения. С упадком же религии, служащей связующим и объединяющим южнославянские племена началом, естественно должен подвергнуться сомнению самый вопрос об их политическом существовании»¹⁴.

Об этом же пишет русский консул в Белграде Н.П. Шишкин, которого митрополит Михаил обвинял в том, что он из личной неприязни очернил архимандрита Нестора в глазах

русского правительства и «успел представить человеком безнравственным и вольнодумцем, между тем как он монах самый смиренный и поведения безукоризненного»¹⁵.

Н.П. Шишкин, вернувшись в июне 1873 г. после почти годового отсутствия в Белград, встретился с митрополитом Михаилом и вновь убедился в его политической активности, связанной с поддержкой сербской прогрессивной организации «Объединенная сербская молодежь» (Омладина). «Митрополит до того увлекся своими связями с Омладиной и преследуемыми ею происками, — писал он, — что занимается исключительно политическими соображениями. Все три правительства, составившиеся одно за другим в течение моего здесь 10-летнего пребывания, видели высокопреосвященного в рядах оппозиции; митрополия сделалась сборным местом недовольных, и еще недавно, когда образовывалось министерство после смерти генерала Блазнавца, князь Милан имел в руках список министров, составленный в доме его высокопреосвященства, и в присутствии своих приближенных выразился, что покровительство митрополита в его глазах есть ручательство полной неблагонадежности»¹⁶.

Заменявший Шишкина А.Н. Церетелев в своих донесениях также критически характеризовал деятельность митрополита Михаила и поэтому не выдал его кандидату на пост настоятеля Сербского подворья архимандриту Нестору разрешение на въезд в Россию.

Итак, открытие Подворья осложнялось сомнениями российского МИД в политических взглядах и самого митрополита Михаила. Его принадлежность к либеральной партии, контакты с Омладиной и другими оппозиционными правительству кругами с подозрением воспринимались в Петербурге. Именно поэтому почти на год растянулось утверждение кандидатуры на пост настоятеля Подворья. И хотя предполагалось, что «Подворьем управляет архимандрит, назначаемый из Сербии, из лиц знакомых с русским языком», на деле оказалось, что последнее слово всё-таки за российской стороной и прежде всего за Азиатским департаментом МИД: именно здесь, на основании подробных донесений русских представителей в Сербии, определялась благонадежность предлагаемой кандидатуры.

Митрополиту Михаилу пришлось искать другого кандидата. Им стал архимандрит монастыря в Горняке (Белградская митрополия) Савва (Грбович) (1825?–1880), который возглавил Подворье в мае 1874 г.¹⁷ и оставался на этом посту до самой смерти. Он скончался 8 октября 1880 г. в Москве и был похоронен здесь на территории Алексеевского Девичьего монастыря.

Подворье оказалось после смерти архимандрита Саввы в тяжёлом положении. Митрополит Михаил писал по этому поводу в ноябре 1880 г. Н.А. Попову: «Что касается Сербского подворья, теперь нельзя ничего предпринимать, пока там не приедет настоятель, которого еще не определили. Но трудно что-нибудь сделать до тех пор, пока не уплатит Подворье свой долг банку, а долг большой, 28 000 рублей, а потом весь доход можно издерживать на содержание Подворья и на стипендии»¹⁸. Долги Подворья были связаны с большими расходами как по ремонту самого храма св. Кира и Иоанна, который достался Подворью в плачевном, полуразрушенном состоянии, так и для строительства необходимых дворовых построек.

Нелегко проходили и выборы кандидата на пост нового настоятеля. Министр просвещения и церковных дел Сербии А.Васильевич предложил кандидатуру архимандрита Никифора Дучича, хорошо известного в России своим героическим участием в сербо-турецкой войне 1876 г. (в качестве командующего отрядами добровольцев Ибарской армии), однако её не поддержала Сербская скупщина¹⁹. Митрополит Михаил, подыскивая новую кандидатуру, столкнулся с очередными бюрократическими препонами, как с сербской, так и с российской стороны. Поэтому в марте 1881 г. временно исполняющим обязанности настоятеля был назначен иеромонах Сербского подворья Иоанникий.

Наконец, 26 июня 1881 г. митрополит направил в качестве настоятеля игумена Феофила (*сербск.* — Теофила), который при предшествующем настоятеле был старшим иеромонахом Подворья (с 1874 по 1878 гг.). Но именно с этим настоятелем Подворье оказалось в центре большого скандала. Вызвано это было как личностью самого Феофила, так и обстоятельствами церковного кризиса в Сербии, приведшего к отставке ми-

трополита Михаила и фактическому изгнанию его из страны. Формальным предлогом для конфликта митрополита с властями было его нежелание принимать новый закон о церковных таксах. 18 октября 1881 г. указом князя Милана митрополит Михаил был отстранен «от управления архиепископией Белградской и митрополией Сербской»²⁰. Новый митрополит Феодосий (*сербск.* — Теодосий) Мраович (1815–1891) был избран через полтора года 20 марта 1883 г. и фактически стал главой Подворья в Москве, ему подчинялся и новый настоятель Феофил. Обстоятельства так называемого «дела митрополита Михаила» с негодованием были восприняты в России, и это отразилось на делах Подворья. Исследовательница истории сербской православной церкви в 1878–1920 гг. Ю.А. Колиненко так характеризует сложившуюся ситуацию: «Продолжение затянувшегося конфликта Сербии и России было перенесено на русскую почву. Жертвой очередной разыгранной партии пало Сербское подворье в Москве, закрытие которого было “асимметричным” ответом уязвленных действиями Белграда русских властей»²¹.

Личность нового настоятеля Феофила также сыграла негативную роль в судьбе Подворья. Поначалу митрополит Михаил был доволен своим ставленником. («Я и другие друзья довольны отцом Феофилом, но пока нужно подождать с произведением его в архимандриты»²².) Протосингел Платон же характеризует Феофила, управлявшего Подворьем с августа 1881 г. до 20 июля 1883 г., как «молодого и честолюбивого монаха», который «не стеснялся тратить без всякого расчета, подчас единственно для своего удовольствия, и без того ничтожные суммы Подворья, ввел его в громадные долги, которые, постепенно накапливаясь всё больше и больше, возросли в конце концов до ужасающих размеров»²³. По его словам, Феофил вывез, уезжая из Москвы, «помимо множества разных весьма верных вещей и предметов, составляющих полную собственность Подворья, до 1500 руб. денег, при этом храм Подворья запер и ключи от него увез с собою. Из вещей им были взяты все архимандричьи кресты, антиминс, значительная часть ризницы и много книг из собранной архимандритом Саввою библиотеки, бóльшая

часть которой была передана Подворью И.С. Аксаковым в 1878 г. после закрытия Московского Славянского общества, для занятий сербских студентов Московской духовной академии и Московского университета»²⁴.

Развязка наступила 22 мая 1883 г., когда Феофил, прежде не поминавший на литургиях нового сербского митрополита Феодосия, вынужден был это сделать, так как этого потребовала прибывшая в Москву на коронацию Александра III официальная сербская депутация. «За это ему было со стороны митрополита Московского и заседавшего в Москве Священного Синода воспрещено священнослужение. После этого он признал за лучшее совсем бежать из Москвы и оставить Подворье в самом печальном состоянии»²⁵. В определении Московской духовной консистории сообщалось, что «...на Подворье остался один дворник, но и тот за необъявление куда следует о выезде игумена Подворья подвергся полицейскому на три дня аресту»²⁶. Московские духовные власти после этого постановили приостановить деятельность Подворья: «Консистория признает необходимым Кири-Иоанновскую церковь на Сербском подворье, самовольно запертую настоятелем подворья игуменом Феофилом и покинутую им на жертву всяких случайностей, немедленно же открыть с учреждением необходимого за нею надзора [...] и затем церковь со всем имуществом передать в заведование причта Всехсвятской церкви, от которой она была отчислена в пользу Сербского подворья, и обо всем донести его высокопреосвященству»²⁷. Сам Феофил о двусмысленности своего положения неоднократно писал и телеграфировал митрополиту Феодосию в Белград, сообщая, что московские духовные власти запрещают ему помянуть сербского митрополита, и умолял разрешить ему вернуться в Сербию. Документы свидетельствуют также, что он закрыл церковь св. Кира и Иоанна и забрал с собой ключи от нее, повинувшись приказу из Белграда²⁸. Вернувшись на родину, он представил подробнейший доклад о финансовом положении Подворья, о своей деятельности на посту настоятеля и о консультациях с сербским посланником в России Д. Хорватовичем по вопросам русско-сербских церковных отношений. Он также представил обстоятельную записку о

том, как следует формировать библиотеку Подворья, комплекта её, наряду с русскими, сербскими книгами²⁹.

Митрополит Михаил, находившийся в изгнании, с горечью писал 29 ноября 1883 г. Н.А. Попову о московских событиях: «Жаль мне Подворья, что дураки осрамили его. Но что можно теперь делать в пользу его?». Однако уже в январе 1884 г. он сообщил о желании направить в Москву на Подворье своего сторонника, епископа Иеронима (Йовановича) (1825—1895). Но и эта кандидатура не прошла, и после двухлетнего перерыва в работе Подворья летом 1885 г. управлять им стал иеромонах Иоанникий, еще один ставленник митрополита Михаила, возведенный им впоследствии, в 1888 г., в сан архимандрита. Объясняя свой выбор, митрополит писал из Киева в Москву: «Второй год начался, как Подворье закрыто, и здание, и вещи в нем могут испортиться; посему посылаю отца Иоанникия, который убежал из Сербии от гнусных преследований, чтобы очистил Подворье и старался под надзором консистории сохранить Подворье от убытка и погибели»³⁰.

11 февраля 1885 г. московские духовные власти получили распоряжение Св. Синода о передаче Сербского подворья в заведование иеромонаху Иоанникию, что фактически означало противостояние позиции властей Сербского королевства. Иоанникий прибыл в Москву из Киева, где находился вместе с митрополитом. Но фактически делами Подворья распоряжался сам митрополит Михаил, который поселился на его территории с 25 августа 1885 г. и проживал там до 5 мая 1889 г. Он служил на Подворье литургии. Так, 11 января 1888 г., «по случаю кончины известного благотворителя старообрядца Тимофея Саввича Морозова, оказавшего немало пособий сербам в сербско-турецкую войну 1876 года, а равно и сербской церкви, митрополит Михаил совершил заупокойную литургию и панихиду»³¹.

В 1889 г., в связи с изменившимися политическими обстоятельствами в Сербии и изгнанием из страны короля Милана, митрополит вернулся на родину, а Подворьем до мая 1891 г. продолжал управлять архимандрит Иоанникий.

Новым настоятелем Подворья стал архимандрит Кирилл (Живоин Йовичич) (1837—1908). Выпускник Московской ду-

ховной академии, известный богослов, профессор, писатель и переводчик, архимандрит Кирилл принимал участие в качестве полкового священника в сербо-турецкой войне 1876 г. и был награжден медалью за храбрость. Он управлял Подворьем с 3 апреля 1891 г. по 20 июня 1898 г. В «Заметке о сербах, получивших образование в России», написанной по запросу Первого департамента МИД Российской империи консулом в Ускюбе А.К. Беляевым 21 ноября 1906 г., дается следующая характеристика архимандриту Кириллу: «Несмотря на грехи молодости, архимандрит Кирилл по справедливости должен быть признан одним из лучших русских воспитанников, не зарывшим своего таланта в землю. Многие в Сербии жалели, что в прошлом году, при выборе епископа в Шабаце, некоторые архиереи, державшие себя в молодости отнюдь не лучше Кирилла, из-за старых личных счетов помешали его избранию»³². Высоко также оценивалась и его деятельность на посту настоятеля Подворья, состояние которого он существенно улучшил. Архимандриту Кириллу выпала честь принимать 20 июля 1891 г. на территории Подворья молодого сербского короля Александра Обреновича, который прибыл в Россию вместе с регентом Йованом Ристишем с официальным визитом.

14 июня 1898 г., прощаясь с москвичами перед отъездом на родину, настоятель Сербского подворья Кирилл сказал: «...прощаясь с вами, могу вас уверить, братья мои, что уношу с собой на свою родину самые дорогие, самые отрадные воспоминания о святой Руси и священном русском Сионе — матушке Москве. До конца жизни своей не забуду того неподдельного радушия, того гостеприимства, той сердечной и искренней любви, которыми я пользовался среди вас во всё время моего служения в Москве»³³.

Следующим настоятелем Подворья 30 июня 1900 г. был назначен архимандрит Арсений (Бранкович) (1847? — после 1914).

Важную роль в жизни Подворья играли и помощники настоятелей — иеромонахи, назначаемые также из Белграда. Нам известны имена некоторых из них:

В 1874—1878 гг. — иеромонах Феофил; в 1880—1883 гг. — иеромонах Иоанникий; с ноября 1895 г. по 25 мая 1896 г. — иеромонах Леонтий; с 3 октября 1896 г. по 25 августа 1897 г. — иеро-

монах Платон (будущий протосингел и автор первой истории Сербского подворья); с 19 октября 1897 г. — игумен Митрофан, который заведовал Подворьем после отъезда архимандрита Кирилла вплоть до приезда в июне 1900 г. архимандрита Арсения Бранковича.

Наконец, следует отметить, что повседневная жизнь Подворья во многом зависела от рдения и добросовестности церковных старост, которые по большей части были представителями московского купечества. В 1874—1875 гг. эту должность занимал купец А.И. Колганов; в 1875—1878 гг. — В.В. Сысоев, который за свою деятельность был награжден сербским орденом Такова 4-й степени. В 1878—1880 гг. обязанности старосты исполнял потомственный почетный гражданин Степан Иванович Камынин. Он немало сделал для внутреннего убранства церкви. Благодаря его стараниям иконостас был вызолочен, были сооружены четыре киота, паркетный пол, мраморные подоконники. Он был награжден сербским орденом Такова 3-й степени. После его смерти новый староста Александр Николаевич Еремин в 1880—1886 гг. обогатил ризницу церкви, устроил серебряный ковчег для частиц св. мощей. Он ушел с должности по болезни и в том же году умер. Сменил его купец Н.И. Свиридов, который являлся церковным старостой в 1886—1898 гг. Он за свои труды был награжден сербским орденом св. Саввы 3-й степени, черногорским орденом князя Даниила I 4-й степени и шейной золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте³⁴.

Но встречались среди старост и люди равнодушные и недобросовестные. Так, занимавший в 1898—1901 гг. эту должность потомственный почетный гражданин А.К. Ечкин, по словам протосингела Платона, лишь номинально именовался старостой и «был в храме не более 3 раз. За него правил должность старосты Василий Львович Блиндин, который часто не топя по несколько дней зимою храм, довел его до такого положения, что попечитель Подворья Н.Н. Дурново, с согласия арх. Арсения, счел нравственным долгом просить его оставить должность.[...] Ровно ничего не сделавшие для церкви Подворья и доведшие храм до плохого состояния гг. Ечкин и Блиндин были награждены орденом св. Саввы 3 ст.»³⁵.

В феврале 1901 г. старостой был назначен грек Еврипид Иванович Янула-Панайот, «поставщик конфет ко двору их величеств королей Греческого и Сербского и их высочеств великого князя Черногорского и наследного цесаревича греческого». В 1902 г. он вызолотил иконостас и обновил стенопись.

В 1907 г. орденом св. Саввы 4-й степени был награжден староста Сербского подворья Сергей Егорович Чеблаков, московский купец, который вложил свои 3000 рублей в обновление храма св. Кирилла и Иоанна³⁶.

Закрото Подворье было в 1918 г., а 25 марта 1919 г. Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов направил письмо в НКВД РСФСР о взятии им в свое ведение домов, принадлежащих Сербскому государству, заявив, что «берет с сегодняшнего дня в свои руки все дела, касающиеся домов 4/6 и 6 по Солянке (Сербское подворье), принадлежавших Сербскому (в настоящее время объединенному югославянскому государству), предварительно опечатав бывшее помещение архимандрита Михаила и назначив управляющего делами т. Ольрома управляющим означенных домов»³⁷. Революционной Югославянскому совету оказалась близкой революционная атеистическая пропаганда в новой России, объявившей войну церкви и ее институтам³⁸.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 43. Л. 29 об.

² Цит. по : [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. (Краткий исторический очерк). Составил Синкел Платон. М., 1902. С. 12–13.

³ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 33.

⁴ Кузьмичева Л.В. Открытие Сербского Подворья в Москве в 70-е гг. XIX века // Историки-слависты МГУ: Кн. 8: Славянский мир: в поисках идентичности М., 2011. С. 301–313; она же. Деятельность московских славянофилов по укреплению позиций сербской православной церкви в середине XIX в. // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами (К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского). М.-СПб., 2013. С. 123–130.

⁵ См.: Кузьмичева Л.В. Москва и сербский вопрос в 1804–1878 гг. // Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. Белград–М., 2011. С. 39–82.

⁶ Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 271–323.

⁷ Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 3: общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. Белград–М., 2012. С. 164–220, 599–611.

⁸ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 39.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 239. П. 13. Д. 47. Л. 13–13 об., 23–23 об.

¹⁰ *Пилипович Р.* Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата // Русский сборник: исследования по истории России. Том XIV. М., 2013. С. 115.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 239. П. 13. Д. 47. Л. 23–23 об.

¹² Уједињена Омладина Српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 350.

¹³ Там же. С. 351.

¹⁴ Там же. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 350.

¹⁶ Там же. С. 326.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 239. П. 8. Д. 32. Л. 15–16.

¹⁸ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 165.

¹⁹ Там же. С. 167.

²⁰ См. подробнее: *Колиненко Ю.В.* Сербская православная церковь в 1878–1920 гг.: национальная идеология и политическая практика. М., 2016. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С. 151–166.

²¹ Там же. С. 169.

²² Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 174.

²³ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 44.

²⁴ Там же. С. 44–45.

²⁵ Там же. С. 46.

²⁶ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 179.

²⁷ Там же. С. 181–182.

²⁸ Там же. С. 603–604.

²⁹ Там же. С. 605–611.

³⁰ Там же. С. 192.

³¹ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 62.

³² *Пилипович Р.* Сербь в богословских учебных заведениях... С. 116.

³³ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 210.

³⁴ [Синкел Платон]. Сербское Подворье в Москве. С. 51–52.

³⁵ Там же. С. 55.

³⁶ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 3. С. 643.

³⁷ Москва–Сербия. Белград–Россия. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. Белград–М., 2017. С. 248–249, С. 368.

³⁸ Храм св. Кира и Иоанна был разрушен в 1933 г. Сейчас на его месте остался лишь перестроенный приходской дом (Солянка, 4). В 1948 г. Подворье было возрождено в храме Петра и Павла у Яузских ворот. Однако по политическим причинам оно так и не смогло начать свою деятельность. В 1999 г., согласно указу Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, храм св. Апостолов Петра и Павла был преобразован в Патриаршее подворье, при котором было вновь открыто представительство Сербской православной церкви. Сербское подворье в Москве было восстановлено лишь в 2001 г., но уже на территории другого храма, хотя и неподалеку от прежнего места.